

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ИСТОРИЯ ПИСЬМА КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА¹

Статья посвящена критическому анализу пособия по русской палеографии, выпущенного в Польше в 2015 г. Рецензируемая книга следует традиционной для такого рода изданий структуре, и, в то же время, в полной мере воплощает актуальные тенденции в развитии вспомогательных исторических дисциплин и раскрывает междисциплинарный характер палеографических исследований. Ряд неточностей, допущенных автором в изложении конкретного материала, свидетельствует прежде всего о недостатках в научной коммуникации российских и польских ученых.

Ключевые слова: *вспомогательные исторические дисциплины, палеография, история письма, кириллица, междисциплинарность, научная коммуникация*

Сегодня нет недостатка в учебных пособиях по вспомогательным историческим дисциплинам, во всяком случае – в пособиях, написанных на отечественном материале. Только за последние полтора десятка лет вышли в свет книги М.М. Крома и соавторов², В.В. Шевцова, А.Е. Чекуновой, Н.Г. Абрамовой и Т.А. Кругловой³, в очередной раз переиздано известное еще с советских времен пособие Г.А. Леонтьевой, П.А. Шорина и В.Б. Кобрин⁴, и этот перечень едва ли может претендовать на полноту. Качество перечисленных книг можно оценивать по-разному; в значительной степени насыщенность нашего своеобразного «рынка» связана не со стойким интересом читающей публики к проблематике палеографии, исторической хронологии и метрологии, и уж, тем более, кодикологии или филиграноведения, а с тем, что (несмотря на все реформы) указанные дисциплины еще сохраняют какое-то место в базовых учебных планах высшей школы по истории и смежным дисциплинам, и учебные пособия раскупаются просто потому, что нужны студентам. Но тем примечательнее становится факт появления фундаментального пособия по русской палеографии на польском языке, которым и является рецензируемая книга польского историка Кшиштофа Петкевича.

Значение русской палеографии для польских исследователей обусловлено общеизвестными историческими причинами. Кревская уния 1385 г., заключенная на фоне затяжного политического и династического кризиса, положила начало цепочке событий, в результате которых в орбиту польской государственности оказались вовлечены значительные по площади территории, населенные по преимуществу восточными сла-

---

¹ Рец. на: *Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)*

² Специальные дисциплины 2003.

³ Шевцов 2007; Чекунова 2010; Абрамова, Круглова 2011.

⁴ Леонтьева, Шорин, Кобрин 2015.

вянами, прямыми наследниками культуры Древней Руси. Язык этого населения («руска мова») а соответственно – и кириллическая письменность, использовались в официальном делопроизводстве польско-литовского государства (или, как минимум, его отдельных областей) вплоть до XVIII в. В свою очередь, разделы Речи Посполитой, осуществленные в конце XVIII в., и решения Венского конгресса 1814–15 гг. привели к тому, что значительная часть исконно польских земель (включая столицу, Варшаву) оказалась под властью Российской империи и сделалась объектом русификаторской политики, усилившейся после восстания 1863–64 гг. Важнейшим направлением этой политики было максимально глубокое внедрение русского языка в общественную жизнь «Привисленского края» и принудительная «кириллизация» местной культуры. «Сплетение» русской и польской историй трудно назвать органичным: если постепенное укрепление польско-литовской унии было связано с объективными особенностями социально-политического развития обеих стран, то разделы Польши стали примером грубого вторжения великих держав в дела сопредельного государства. В то же время, многовековое сосуществование двух культур воплотилось в значительном по объему корпусе источников, написанных кириллицей на восточнославянских языках, и, одновременно, имеющих непосредственное отношение к польской истории. Освоить этот корпус без пособий, подобных пособию К. Петкевича, не представляется возможным. Иными словами, какими бы ни были отношения политиков двух стран, русскую палеографию в Польше изучали и будут изучать.

Обсуждаемая книга выпущена под грифом Института истории Польской Академии наук в авторитетном варшавском издательстве DiG, специализирующемся на публикации исторической литературы⁵, и подчеркнуто следует самым строгим канонам научного письма. Изложение открывается Введением (с. 15–24)⁶, где автор поясняет вынесенный в заглавие термин *ruski* (в историческом контексте – относящийся к Руси, т.е. «древнерусский»), рассказывает, почему термин *специальные исторические дисциплины* (*specjalne dyscypliny historyczne*) лучше «определения», основанного на прилагательном *вспомогательные* (*nauki pomocnicze historii*)⁷, и проводит анализ существующих в литературе взглядов

⁵ Это издательство обеспечивает, в частности, выпуск известных периодических изданий исторической тематики «Przegląd historyczny» («Историческое обозрение») и «Studia źródłoznawcze» («Источниковедческие исследования»).

⁶ Здесь и в дальнейшем номера страниц в круглых скобках являются ссылками на рецензируемое издание.

⁷ Польские аналоги наших терминов «специальные» и «вспомогательные исторические дисциплины», различаются сильнее, ибо в них разнится не только состав определений, но и само определяемое слово (*дисциплины* в первом случае, *науки* во втором). К сожалению, эту деталь К. Петкевич не комментирует; он остается в рамках старого, и, кажется, сугубо российского спора о том, что обиднее – прослыть избыточно *специальным* или вечно комплексовать на должности *помощника*.

на место палеографии среди других исторических дисциплин. Далее следует обширная глава об истории русской палеографии как научной дисциплины (с. 26–73), девять глав, посвященных основным аспектам палеографического анализа русских письменных источников и проблематике ряда смежных дисциплин: исторической хронологии (с. 138–175), эдичионной археографии (с. 375–386), дипломатики (с. 387–423), исторической метрологии (с. 424–452). Излагая материал, автор придерживается тематического принципа, т.е. сначала характеризуется алфавит (с. 74–137), затем материалы и орудия письма (с. 176–221), затем эволюция графики (с. 222–306), затем особенности переплета (с. 307–336) и, наконец, орнамент рукописей (с. 337–376). Такая композиция возвращает к структуре классических пособий по истории письма (В.Н. Щепкин, Е.Ф. Карский), и следует естественной логике палеографического анализа. Может показаться несколько прихотливым расположение «вставной новеллы» о хронологии (между главами об алфавите и о материалах и орудиях письма), но понять соображения, которыми продиктовано такое решение, нетрудно – хронологическая проблематика следует за рассказом о цифири, который, в свою очередь, естественно примыкает к главе про алфавит. Сведения об особенностях издания источников, дипломатике и метрологии помещены в самом конце, как образующие наиболее специфический, не всегда актуализируемый материал.

Следование традиционной композиции не становится препятствием к обновлению содержания. Палеография зародилась как дисциплина, посвященная прежде всего критике средневековых юридических документов, сохранившихся в церковных, королевских и дворянских архивах. Однако в ситуации постмодерна понимание предмета исторической науки претерпело радикальные изменения, так что новой и новейшей истории теперь уделяется на порядок больше внимания, чем истории древности и средних веков. Многие ученые полагают, что специалистам по истории Нового и Новейшего времени тонкости палеографического анализа не нужны, поскольку источники, созданные за последние несколько столетий, не слишком отличаются по форме от документов, с которыми всякий имеет дело в повседневной жизни⁸. Однако при должном подходе предметом источниковедческого исследования могут стать внешние признаки даже самых обычных с виду произведений современной полиграфической промышленности⁹, а значит эти внешние признаки

---

⁸ Скажем, в учебном пособии под редакцией М.М. Крома письмо XIX в. упоминается разве что эпизодически; более того, даже о скорописи XVIII в. сказано, что она «не представляет особой трудности для чтения», поскольку «эволюция начерков букв <...> подходит к тем типам, которыми мы пользуемся сами» [Специальные дисциплины. С. 64]. Оставлю читателям оценивать обоснованность данного суждения.

⁹ Так, при определении времени создания мемуаров Л.В. Черепнина В.Д. Назаров отталкивался от дат выпуска, указанных на 4-й странице обложки школьных тетрадей, в которых эти мемуары были написаны. Назаров 2015. С. 6–7.

можно и нужно изучать, в том числе – в рамках университетского курса. Сведения о письменных источниках Нового и Новейшего времени не всегда поданы у К. Петкевича с теми же глубиной и детализацией, которых читатель вправе ожидать, ознакомившись с рассказом ученого о письменности средневековья. В ряде случаев автору явно не хватало русского/советского материала, так что пришлось обращаться к более доступному польскому. В частности, в качестве образца телеграммы приводится польская поздравительная телеграмма из личного архива автора (с. 220), которая выглядит почти так же, как выглядела бы современная ей советская, но в некоторых деталях все же отличается, и читателю, помнящему бланк советской телеграммы, эти отличия режут глаз (а читателя, таких воспоминаний не имеющего, дезориентируют). Впрочем, даже с такими чужеродными вставками пособие К. Петкевича выгодно отличается в подаче современного материала от отечественных учебников, в которых сведения о письменности XIX и, тем более, XX в., крайне ограничены, а нередко и в принципе отсутствуют.

Характерной чертой современного исторического знания является его междисциплинарный характер. Традиционные приемы анализа исторических источников во многом исчерпали себя даже при разработке «классических» сюжетов¹⁰, что уж говорить о таких новых областях, как, скажем, историческая имагология или история самосознания, сама суть которых вынуждает историка осваивать понятийный аппарат и аналитические подходы филологии и лингвистики. Палеография, являющаяся исторической дисциплиной примерно в той же мере, в какой и филологической, дает хороший повод познакомить историков с проблематикой смежных гуманитарных наук, что и делает К. Петкевич, включая в свое пособие, в частности, значительные по объему сведения об истории русской орфографии (с. 104–126), весьма значимом для датировки исторических источников (да и в целом для понимания письменной культуры как таковой). Мобилизованный им лингвистический материал существенно превосходит те скудные сведения языковедческой направленности, которые принято давать в пособиях, издающихся у нас.

Наконец, весьма позитивной чертой пособия К. Петкевича является независимость авторского взгляда от устоявшихся в российской историографии стереотипов. Понятно, что системообразующим событием

---

¹⁰ Например, для исследователей русского летописания основным является т.н. «сравнительно-текстологический метод»: несохранившиеся летописные своды восстанавливаются путем сопоставления дошедших до нас летописей (см. подр.: [Лурье 1976]). Однако при изучении древнейших летописных сводов ученые вынуждены считаться с нехваткой сравнительного материала, поэтому в ход идут, среди прочего, приемы лингвистической статификации, при которой выводы об истории текста делаются путем анализа его морфологии, лексики и синтаксиса (метод подробно разработан в трудах А.А. Гиппиуса, см., в частности, Гиппиус 2001). Таким образом, недостаток источников приходится компенсировать освоением аналитических приемов смежных гуманитарных дисциплин.

в истории славянской письменности является изобретение алфавита Кириллом и Мефодием – роль солунских братьев в развитии культуры на восточноевропейском пространстве трудно переоценить. В то же время, миссия славянских просветителей не была в достаточной мере подготовлена дипломатически, административно и богословски (воплощением чего и стал т.н. конфликт с немецкими епископами); изобретенная ими азбука – глаголица – также оказалась не вполне удачной, и вскоре уступила место алфавиту, составленному на основании греческого письма книжниками Преславской школы. В российской научной традиции при изложении указанных событий доминирует панегирический тон, а неприятие славянской службы и славянских книг значительной частью современников объясняется политическим противодействием со стороны Восточно-Франкского королевства. Польский автор пишет существенно спокойнее, фиксирует (хотя и не без неточностей) формальные недоработки, осложнявшие деятельность Кирилла и Мефодия¹¹, и готов признать, что «миссия в Моравии закончилась неудачей» (с. 76). Отечественному читателю такая свобода рассуждений может показаться избыточной, но важно все-таки иногда выходить за рамки устоявшегося нарратива и смотреть на фигуры из исторического пантеона под новым, пусть и не всегда комплиментарным для них углом.

Впрочем, у пособия есть и ряд досадных недостатков. Прежде всего, автор время от времени отступает от собственного определения географических рамок рассматриваемого материала. В первом параграфе Введения говорится, что «к области интересов вспомогательной исторической дисциплины, именуемой *русская палеография* (paleografia ruska), можно отнести все рукописное наследие Руси, России, Украины и Белоруссии, не вдаваясь при этом в невнятные и ненаучные споры о том, к какой именно из перечисленных национальных традиций относится тот или иной конкретный памятник письменности» (с. 16), и такая трактовка объекта представляется вполне обоснованной, особенно учитывая то, где издано и на кого рассчитано пособие. В то же время, это определение, очевидным (и тоже вполне логичным) образом, не включает в себя письменную культуру южных славян. Однако в параграфе, озаглавленном «Древнейшие сохранившиеся памятники письменности на Руси» (с. 86–88) фигурируют не только русские, но и южнославянские памятники – Добруджанская надпись 943 г., надпись царя Самуила 993 г. и Саввина книга, основная часть которой переписана в «средневосточной Болгарии, возможно в области к северу от Дуная»¹², и, соответственно, относится к

---

¹¹ «Любопытно, что братья-миссионеры не были, судя по всему, поставлены в священники. Константин, возможно, был диаконом, Мефодий — простым монахом» (с. 76). Неточность, как минимум, в том, что по сообщению Жития Мефодия, последнего «поставиша <...> игумена в монастыри, иже нарицаются Полихронъ» еще за несколько лет до отъезда в Моравию. Успенский сборник 1971. С. 192. (Л. 105а).

¹² Старославянский словарь 1994. С. 15.

древнерусской письменной культуре лишь косвенным образом, исключительно благодаря тому, что Саввина книга хранилась в псковском Петропавловском Сереткином монастыре. Приводимые в том же параграфе количественные характеристики древнерусского письменного наследия XI–XIII вв. также не учитывают разницы между книгами, созданными на Руси, и книгами, оказавшимися на территории нашей страны (в т.ч. и в Новое время), поскольку автор без какого бы то ни было комментария и корректировки берет числовые данные из известного справочника под характерным названием «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» (курсив мой – Д.Д.). Правда, К. Петкевич указывает, что Добруджанская и Самуилова надписи выявлены в Болгарии, а цитируемый каталог включает «19 старославянских рукописей, 88 среднеболгарских, 87 сербских (в т.ч. 2 боснийские и 2 хорватские)». Но в сочетании с названием параграфа эта последняя оговорка вполне может быть понята в том смысле, что носители всех этих языков трудились непосредственно на Руси. Думается, что в учебном пособии, особенно рассчитанном на неподготовленного читателя, следовало бы провести более строгое разграничение южно- и восточнославянского материала.

Второй раздел пособия, посвященный «алфавиту, орфографии и пунктуации в древней Руси и России (X–XX вв.)» вообще изобилует неточностями и недоработками. В частности, на с. 77 прилагательное «старославянский» (*starosłowiański*) употребляется и как название языка, выработанного Кириллом и Мефодием в рамках моравской миссии, и как синоним термина «праславянский», а на с. 115 упоминается не существующий в русском языке «дифтонг io». Весьма неудачен «обзор знаков кириллицы», помещенный на с. 93–97. Автор не дал себе труда определить, ни что он описывает – графемы, начертания или собственно знаки, ни на какой географический ареал – общеславянский, восточнославянский или собственно русский – ориентируется предлагаемый обзор. В результате при перечислении «знаков» в одном ряду с буквами (данными иногда в нескольких вариантах, а иногда в одном) оказался надстрочный знак (паерок), а при изложении правил чтения явления, характерные для современного русского литературного языка (отверждение [ц’], отсутствие твердой пары к [ч’]), смешались с феноменами, характерными для украинского языка (фрикативное [h]); при этом ять (ѣ) характеризуется как буква, «передающая открытый звук переднего ряда ä», т.е. в соответствии с его чтением в южнославянских языках. Можно только посочувствовать польским читателям, которые, ознакомившись с этим гибридом, станут общаться с российскими коллегами и столкнутся с практиками чтения древнерусских текстов, принятыми в отечественной исследовательской среде. В описании надстрочных знаков (с. 98–99) тоже не все логично: диакритики, введенные в кириллический алфавит под влиянием греческой политоники, приводятся дважды – сначала корректно, как «ударения» (*akcenty*), а потом не к месту, как «знаки сокраще-

ний» (skróty). При этом автор заметил, что у М. Смотрицкого приводятся неожиданные («несколько измененные») названия этих «сокращений» (*острая, вария или тяжкая, периспомена или облегченная...*), но напрашивающегося вывода о подлинной природе обсуждаемых знаков не сделал. Не вполне рационально выстроен рассказ об изменении русской орфографии в послереволюционное время (с. 124–126): если реформе 1956 г., введшей значительное число новых написаний (*чёрт, по-прежнему, чиновка...*), уделен один абзац, то крайне осторожным и не имеющим официального статуса изменениям, предложенным в 2006 г. отведен целый параграф на полторы страницы. Лучше было бы распределить внимание автора и читателей по-другому.

Рассказывая о судьбах кириллицы в XIX–XX вв., К. Петкевич не мог не затронуть вопрос о создании письменности для неславянских народов России. Хорошо известно, что на протяжении длительного времени данный многоаспектный процесс был не только воплощением целенаправленной политики властей, но и результатом деятельности многочисленных энтузиастов, в т.ч. А. Шегрена и П.К. Услара (на Кавказе) или Н.И. Ильминского и его учеников И.Я. Яковлева и В.Т. Тимофеева (в Поволжье)¹³. При этом, создатели «инородческих письменностей» ставили перед собой культуртрегерские задачи; в частности, распространение кириллической письменности среди мусульман позиционировалось как способ ограничить влияние исламского духовенства, а в дальнейшем и упростить «распространение <...> нового рода понятий»¹⁴. Однако решать такие задачи предлагалось не за счет уничтожения национального начала, а наоборот – за счет его всемерного развития в противовес исламской культуре, ориентированной на арабское письмо; об унификационной политике центра, направленной на радикальную ломку локальных культур, можно говорить только применительно к сравнительно узкому и специфическому периоду сталинской диктатуры. Однако К. Петкевич об этой многогранности имперской политики не пишет, предпочитая говорить исключительно о «навязывании кириллицы народам, использующим иные алфавиты» (с. 126). Соответственно подбираются и примеры для анализа. В частности, из опытов XIX в. читателю представлены прежде всего два проекта внедрения кириллицы для польского языка, опубликованных в правление Николая I, и столь же маргинальная попытка кириллизации литовского языка, предпринятая в 1864–1866 гг. (с. 126–128); даже о судьбах украинского алфавита сказано меньше (с. 128–129). Понятно, что в таком распределении внимания сказывается то, что польскому читателю ближе всего польские обстоятельства, а на польские и литовские земли кириллица действительно пришла в конце XVIII – XIX в. как чуждый алфавит, навязанный властями госу-

¹³ См., напр., рассуждения А. Шегрена о перспективах использования кириллического алфавита для записи осетинского языка (Шегрен 1844. С. XV–XXXI).

¹⁴ Ср.: Услар 1887. С. 16–17.

дарства-захватчика. И в то же время, для создания более объемной картины следовало бы уравновесить эти примеры столь же подробным разбором кейсов, порожденных иным политическим контекстом.

Весьма неудачной получилась краткая характеристика сочинения Кирика Новгородца «Учение, иже ведати человеку числа всех лет», данная в параграфе о становлении российской исторической хронологии как научной дисциплины. Польский автор иронически пишет о «т.н. исторической политике», вынуждающей «историков, математиков и прочих специалистов» ссылаться на труд Кирика, который якобы «свидетельствует о 900-летнем возрасте российской науки» («*datuje istnienie nauki rosyjskiej od 900 lat*»), хотя «лингвистический и палеографический анализ» самой ранней рукописи этого сочинения «показал, что ее первоначальный текст (*протограф*) восходит к рубежу XIV–XV вв.» (с. 141–142; курсив авторский). Но, к сожалению, результаты упомянутого «лингвистического и палеографического анализа» излагаются неполно. Используя первый абзац заметки В.В. Иванова, где древнейший (т.н. Погодинский) список «Учения о числах» датируется XIV–XV вв. как «временем сильного второго южнославянского влияния», К. Петкевич проигнорировал дальнейшие соображения своего предшественника. Между тем, развивая наблюдения В.В. Иванов пишет: «не следует думать, что протограф учения Кирика может быть отнесен к периоду после XII в., скорее можно утверждать действительно раннее происхождение этого протографа: об этом свидетельствует яркий языковой факт – употребление в заключительной части учения формы давнопрошедшего времени, образованной имперфектом от *быти* + причастие на *-л-*: *бьяше было*. По свидетельству истории русского языка, такая форма полностью отсутствует в памятниках с XIII в. и встречается лишь в тех случаях, если перед нами списки памятников XI–XII вв. или если это памятники, в которых речь идет о событиях, относящихся к XI–XII вв.»¹⁵. Конечно, автору приведенного рассуждения можно поставить в упрек запутанную терминологию (предлагается различать и по-разному оценивать непосредственный источник изучаемого списка и *протограф* произведения в целом). Более того, утверждение В.В. Иванова о раннем исчезновении форм плюсквамперфекта, образованных с помощью имперфекта служебного глагола *быти*¹⁶, не вполне разделяется современной наукой, во всяком случае если речь идет о памятниках XIII в.¹⁷; множество (десятки!) примеров использования подобных форм обнаруживается, скажем, в т.наз. Волынской летописи, повествующей о событиях 1261–1290 гг.¹⁸.

¹⁵ Иванов 1973. С. 278–279.

¹⁶ Ср. также: Иванов 1983. С. 342.

¹⁷ Ср.: Грамматика 1995. С. 456–457.

¹⁸ Ср.: «и свое, иже *бьяше* по отци своемъ *стяжалъ*, все розда» [ПСРЛ 1998. Стб. 914; 6796 (1288) г.]; «тогда же *пригъхаль бьяшетъ* Кондрагъ князь Сомовитовичь ко Мьстиславу» [ПСРЛ 1998. Стб. 933; 6797 (1289) г.]; «не *входила бьяшетъ* никака

При желании полемику о древности «Учения о числах» можно было бы продолжить, но К. Петкевич просто проигнорировал значительную часть заметки В.В. Иванова, и тем самым создал у читателя неполное и некорректное представление о трактате Кирика и проблемах его изучения.

Представляется, что отмеченная недоработка связана прежде всего с недостатком научной информации, который пришлось восполнять из случайных источников разного уровня и качества. Выше уже говорилось, что, столкнувшись с нехваткой иллюстративного материала по российской палеографии Новейшего времени, К. Петкевич был вынужден использовать документы из личного архива. Еще одним средством для восполнения пробелов оказался интернет, откуда заимствован и иллюстративный материал¹⁹, и – в ряде случаев – авторские представления об актуальном состоянии тех или иных историографических проблем²⁰. Однако работа с интернет-источниками требует от ученого специфических эвристических навыков, и прежде всего – максимальной строгости в формировании поисковых запросов и требовательности к «поисковой выдаче». Понятно, что отечественные издания по русской палеографии и истории книжной культуры (а тем более – по истории математики) выходят небольшими тиражами, и, как следствие, физически недоступны в Польше, так что альтернативы использованию сетевых ресурсов у Петкевича фактически не было. Но раз роль сетевых источников в работе ученых будет только возрастать, то необходимо и совершенствовать арсенал исследовательских приемов.

Наконец, в ряде случаев К. Петкевича подвело недостаточное знание тонкостей русского языка и особенностей специальной терминологии. На с. 96 приведено только самое редкое из возможных написаний слова *паерок* «надстрочный знак, заменяющий ер или ерь» — *поерик*; варианты, представленные в авторитетных словарях (*паерокъ*, *паерикъ*,

---

же рать толь глубоко в землю его» [ПСРЛ 1998. Стб. 936; 6799 (1291) г.] и др. (сознательно приведены примеры из наиболее поздних по датам статей; курсивы во всех случаях мои — Д.Д.).

¹⁹ Список иллюстраций с источниками приводится на с. 601–612.

²⁰ Судя по всему, основную роль в формировании взглядов польского исследователя на сочинение Кирика сыграл сайт сторонников «новой хронологии» (Тюрин 2010. С. 141, прим. 7): об этом свидетельствует, в частности, неверная ссылка на фототипическое издание и перевод «Учения о числах», опубликованные в 1953 г. в 6-м выпуске сборника «Историко-математические исследования» (Учение 1953); у Петкевича и на сайте «новых хронологов» выпуск 4-й). Ни важной статьи Е.К. Пиотровской (Пиотровская 1985), ни недавнего издания трудов Кирика (Мильков, Симонов 2011), ни новой книги Р.А. Симонова (Симонов 2013) К. Петкевич, к сожалению, не знает. Забавным образом, приверженцы теории А.Т. Фоменко тоже не знакомилась с изданием 1953 г. de visu: гиперссылка с их сайта приводит к republication текста Кирика на сайте профессора МГУ М.Л. Городецкого, где вновь обнаруживается неверный – четвертый – номер выпуска «Историко-математических исследований» [Учение б.г.]. Неудивительно, что в подобного рода «мутной воде» ловится неудовлетворительный с научной точки зрения результат.

*паерчык*²¹), не указаны; отсутствуют они и при втором упоминании об этом надстрочном знаке на с. 99. На с. 181 неудачно переведен на польский лингвистический термин *корпус* (в значении «совокупость текстов»): вместо существующего в польском языке слова *korpus*²² использовано существительное *blok*, обозначающее «корпус здания, строение». На с. 311 из двух значений слова *сстав* («место соединения <...> полос бумаги» и «лист, входивший в состав столбца»²³) представлено только второе, что и некорректно, и нелогично (как в этом случае адекватно объяснить польскому читателю, что значит «скрепа дьяка по сстамам»?). На с. 333 среди аутентичных терминов писцового делопроизводства (*статейный список, столбец / столп, поимянно, на перечень*) обнаруживается слово из современного архивоведения — *фондообразователь*. Впрочем, это уже совсем мелкие недочеты, простительные, если учесть объем проделанной автором работы.

В целом, появление книги К. Петкевича «Русская палеография» — это важное и приятное событие. Композиция и концептуальная основа книги весьма удачны, что же до отмеченных неточностей и непоследовательностей, то они сосредоточены прежде всего в тех разделах, которые выходят за рамки традиционного курса палеографии. И, в любом случае, указанные недоработки не так трудно исправить при подготовке второго издания. Хочется надеяться, что такой шанс у автора будет, ибо появление изданий, подобных пособию К. Петкевича несомненно способствует диалогу российской и польской культур.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова Н.Г., Круглова Т.А.* Вспомогательные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. М., 2011.
- Гиттис А.А.* «Рекоша дружина Игоревы...»: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Т. 25. Р. 147–181.
- Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Иванов В.В.* Замечания по поводу языковых особенностей сочинения Кирика Новгородца о числе и счете (1136 г.) // *Историко-математические исследования*. М., 1973. Вып. 18. С. 278–279.
- Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983.
- Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины: [учебник для студ. высш. учеб. заведений]. М., 2015.
- Лурье Я.С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст.*: 1975. М., 1976. С. 87–107.
- Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.
- Назаров В.Д.* Введение: О времени написания воспоминаний «Моя жизнь» // *Черепнин Л.В.* Моя жизнь: воспоминания. Т. 1. М., 2015. С. 5–8.
- Пиотровская Е.К.* Об одном списке «Учения о числе» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // *Тр. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Отд. др.-рус. лит.* Л., 1985. Т. 40. С. 379–384.

²¹ СлРЯ 1988. С. 121.

²² Ср. этот термин в названии национального корпуса польского языка. НКЯР 2008.

²³ Ср. [Черепнин 1956. С. 343].

- Полное собрание русских летописей. [Репринт. изд.] М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись.
- Симонов Р.А. Кирик-Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14.
- Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие. / ред. М.М. Кром. СПб., 2003.
- Старославянский словарь: (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Датирование трудов Кирика Новгородца [Электронный ресурс] // Сборник статей по новой хронологии: вып. 11: 7 июня 2010 года. Б.м., б.г. Режим доступа: http://new.chronologia.org/volume11/turin_kirik.php, дата обращения – 12.06.2016.
- Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Услар П.К. Этнография Кавказа: Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Учение иже ведати человеку числа всех лет = Наставление, как человеку познать счисление лет / [подгот. текста и примеч. В.П. Зубова] // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 173–195.
- Учение иже ведати человеку числа всех лет [Электронный ресурс] // История становления науки и техники. Б.м., б.г. Режим доступа: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/cyrik.htm>, свободный. Дата обращения – 12.06.2016.
- Успенский сборник XII–XIII вв. / подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Чекунова А.Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. М., 2010.
- Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- Шевцов В.В. Историческая метрология России: учеб. пособие. Томск, 2007.
- Шегрен А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego [Electronic resource] / główni wykonawcy: Mirosław Bańko et al.; koordynator: Instytut Podstaw Informatyki PAN. [Warszawa], 2008–. Режим доступа: <http://www.nkjp.pl/>, свободный. Дата обращения – 12.06.2016.
- Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)

REFERENCES

- Abramova N.G., Kruglova T.A. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. 2-e izd., ispr. M., 2011.
- Gippius A.A. «Rekosha družhina Igorevi...»: k lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nchal'noi letopisi // Russian Linguistics. 2001. T. 25. P. 147–181.
- Drevnorrusskaya grammatika XII–XIII vv. M., 1995.
- Ivanov V.V. Zamechaniya po povodu yazykovykh osobennosti sochineniya Kirika Novgorodtsa o chislakh i schete (1136 g.) // Istoriko-matematicheskie issledovaniya. M., 1973. Vyp. 18. S. 278–279.
- Ivanov V.V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M., 1983.
- Leont'eva G.A., Shorin P.A., Kobrin V.B. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: [uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii]. M., 2015.
- Lur'e Ya.S. O shakmatovskoi metodike issledovaniya letopisnykh svodov // Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sb. st.: 1975. M., 1976. S. 87–107.
- Mil'kov V.V., Simonov R.A. Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'. M., 2011.
- Nazarov V.D. Vvedenie: O vremeni napisaniya vospominanii «Moya zhizn'» // Cherepnin L.V. Moya zhizn': vospominaniya. T. 1. M., 2015. S. 5–8.
- Piotrovskaya E.K. Ob odnom spiske «Ucheniya o chislakh» Kirika Novgorodtsa iz sobraniya arkhiva LOII SSSR AN SSSR // Tr. / AN SSSR. In-t rus. lit. Otd. dr.-rus. lit. L., 1985. T. 40. S. 379–384.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. [Reprint. izd.] M., 1998. T. 2: Ipat'evskaya letopis'.

- Simonov R.A. Kirik-Novgorodets – russkii uchenyi XII veka v otechestvennoi knizhnoi kul'ture. M., 2013.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1988. Vyp. 14.
- Spetsial'nye istoricheskie distsipliny: ucheb. posob. / red. M.M. Krom. SPb., 2003.
- Staroslavjanskii slovar': (po rukopisyam X–XI vekov) / pod red. R.M. Tseitlin, R. Vecherki i E. Blagovoi. M., 1994.
- Datirovanie trudov Kirika Novgorodtsa [Elektronnyi resurs] // Sbornik statei po novoi khronologii: vyp. 11: 7 iyunya 2010 goda. B.m., b.g. Rezhim dostupa: http://new.chronologia.org/volume11/turin_kirik.php, data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Uslar P.K. O rasprostraneni gramotnosti mezhd gortsami // Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza: Yazykoznanie. Abkhazskii yazyk. Tiflis, 1887.
- Uchenie imzhe vedati cheloveku chisla vsekh let = Nastavlenie, kak cheloveku poznat' schislenie let / [podgot. teksta i primech. V.P. Zubova] // Istoriko-matematicheskie issledovaniya. M., 1953. Vyp. 6. S. 173–195.
- Uchenie imzhe vedati cheloveku chisla vsekh let [Elektronnyi resurs] // Istoriya stanovleniya nauki i tekhniki. B.m., b.g. Rezhim dostupa: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/cyrik.htm>, svobodnyi. Data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Uspenskiy sbornik XII–XIII vv. / podgot. O.A. Knyazevskaya, V.G. Dem'yanov, M.V. Lyapon. M., 1971.
- Chekunova A.E. Russkoe kirillichesкое pis'mo XI–XVIII vv. M., 2010.
- Cherepnin L.V. Russkaya paleografiya. M., 1956.
- Shevtsov V.V. Istoricheskaya metrologiya Rossii: ucheb. posobie. Tomsk, 2007.
- Shegren A.M. Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim. SPb., 1844.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego [Electronic resource] / główni wykonawcy: Mirosław Bańko et al.; koordynator: Instytut Podstaw Informatyki PAN. [Warszawa], 2008–. Rezhim dostupa: <http://www.nkjp.pl/>, svobodnyi. Data obrashcheniya – 12.06.2016.
- Pietkiewicz K. Paleografia ruska / Instytut historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa: DiG, 2015. 612 s. (Nauki pomocnicze historii: seria nowa.)

Добровольский Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ddobrowolski@hse.ru

History of writing as the space of intercultural dialogue

The article is devoted to a critical analysis of the textbook on Russian palaeography, published in Poland in 2015. The reviewed book is modelled after a traditional structure for such type of an edition, but at the same time the author demonstrates his full awareness of the newest developments in the field of auxiliary sciences of history and of the interdisciplinary nature of palaeographic studies as well. Several inaccuracies in details which the book contains should be understood first of all as an evidence of deficiencies in an exchange of information between russian and polish scientists.

Keywords: auxiliary sciences of history, palaeography, history of writing, Cyrillic alphabet, interdisciplinarity, scientific information exchange

Dmitriy Dobrowolski, PhD (History), associate professor, School of History, National Research University "Higher School of Economics"; ddobrowolski@hse.ru